

ЧЕТЫРЕ ФАЗИСА

НРАВСТВЕННОСТИ:

СОКРАТЪ, АРИСТОТЕЛЬ, ХРИСТИАНСТВО И УТИЛИТАРИЗМЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Джона Стюарта Милля,

ПРОФЕССОРА ГРЕЧЕСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ВЪ ЭДИНБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

„Близокъ Ты, Господи, и всѣ заповѣди Твоя истина. Издавна узналъ я объ откровеніяхъ Твоихъ, что
Ты утвердилъ ихъ на вѣки“.

(Псаломъ Давида 118, 151—152).

Изданіе К. Т. Соловьевъ.

МОСКВА.

Типографія Мартынова и Ко., Тверская ул., домъ Хомяковыхъ.

1878.

Дозволено цензурой. Москва 15 февраля 1878 г.

2007237145

СОКРАТЪ.

Нѣтъ въ мірѣ страны богаче Греціи всемірно знаменитыми именами, но ни одно изъ нихъ по блеску и славѣ не можетъ сравняться съ именемъ Сократа, о которомъ и древній Дельфійскій оракулъ, и великій авторитетъ утилитарной школы новѣйшаго времени единодушно говорятъ какъ о мудрѣйшемъ изъ мудрыхъ Грековъ ¹⁾. Правда, Плутархъ повѣствуетъ, что въ древнія времена суровый старецъ Катонъ изрекъ довольно грубый приговоръ о сынѣ Софрониска, обозвавши его вреднымъ старымъ болтуномъ, дыханіе котораго справедливо было прекращено чашею омеги, выпитою имъ за послѣднимъ ужиномъ. Затѣмъ, какъ бы вторя Катону, и кроткій старикъ-догматистъ ²⁾, чтимый за патріарха новѣйшими утилитаріанцами, также заявилъ, что Сократъ и Платонъ тратили время на безсмысленную болтовню подъ предлогомъ уроковъ философіи ³⁾, но такихъ отзывовъ, неблагопріятныхъ для доброй славы отца нравственной науки, найдется весьма немного, и всѣ они были также скоро позабыты, какъ и сказаны, а теперь ихъ окончательно заглушилъ стройный хоръ похвалъ болѣе чѣмъ двухъ тысячъ лѣтъ. Безспорно, въ древнемъ, дохристіанскомъ мірѣ, никто, никогда и нигдѣ не имѣлъ больше права на званіе проповѣдника справедливости, чѣмъ Сократъ; это я и намѣренъ доказать въ настоящемъ сочиненіи, которое предпринялъ съ цѣлью

¹⁾ Въ сочиненіи «On Liberty» Дж. Ст. Милля есть блестящая похвала философу.

²⁾ Іеремія Бентамъ (1748—1832). Свое ученіе онъ изложилъ въ «Introduction aux principes de la morale et de la législation». Будучи англичаниномъ, Бентамъ свои сочиненія издавалъ сначала пофранцузски. Самымъ крупнымъ послѣдователемъ его считается Джемсъ Милль, отецъ знаменитаго Джона Стюарта.

Прим. перев.

³⁾ См. это пресловутое изреченіе въ Деонтологіи (т. I); оно въ такой степени наивно, невѣжественно, высокомерно и догматично, что, читая его, просто глазамъ не вѣришь.

ознакомить публику съ великими заслугами древняго философа, избравши для того форму на столько общедоступную, на сколько это совмѣстно съ научною точностью.

Выбранный мною предметъ чрезвычайно привлекателенъ для мыслящаго человѣка не только самъ по себѣ, но и потому что онъ даетъ намъ для выводовъ обильный и вполне достовѣрный матерьялъ. Здѣсь нѣтъ необходимости, какъ при изложеніи ученія Пифагора, ловить обрывки истины въ созданіяхъ фантазеровъ-писателей, жившихъ нѣсколько сотъ лѣтъ послѣ смерти прославляемаго ими человѣка; здѣсь мы имѣемъ дѣло съ любимыми учениками и неразлучными спутниками великаго дѣятеля исторіи. Свѣдѣнія о жизни Сократа заимствованы нами изъ сочиненій Ксенофонта и Платона, гдѣ сношенія ихъ съ философомъ изложены такимъ почтительнымъ и вмѣстѣ умѣреннымъ тономъ, что нѣтъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться въ ихъ правдивости. Но при ссылкахъ на Платона слѣдуетъ помнить, что онъ поэтъ по темпераменту и систематикъ по складу ума, вотъ почему когда онъ облачаетъ свои собственные размышленія въ форму драматическихъ діалоговъ, гдѣ Сократъ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, мы не должны, вмѣстѣ съ фактами изъ жизни Сократа, одинаково принимать на вѣру и поученія, влагаемыя Платономъ въ его уста. Относительно фактовъ свидѣтельство Платона, какъ современнаго авторитета, можетъ быть принято съ полнымъ довѣріемъ; относительно же различныхъ афоризмовъ слѣдуетъ быть постоянно на сторожѣ, и по моему мнѣнію благоразуміе требуетъ не довѣрять тѣмъ изъ поученій Сократа, приводимыхъ Платономъ, на которыя нѣтъ указанія, хотя слабаго, но вполне яснаго, у Ксенофонта. Легкій, граціозный писатель, отчасти въ родѣ Аддисона, Ксенофонтъ былъ менѣе оригиналенъ, чѣмъ Платонъ, и вслѣдствіе этого подверженъ меньшему соблазну искажать истину; онъ былъ неспособенъ включать въ свои рассказы о философѣ какія-либо данныя, не основанныя на дѣйствительныхъ фактахъ. Это былъ простосердечный человѣкъ, который не имѣлъ никакихъ предвзятыхъ мнѣній и не преслѣдовалъ никакихъ теорій; и желать нельзя болѣе точнаго и вѣрнаго хроникера, болѣе разумнаго и правдиваго свидѣтеля, чѣмъ онъ. Данныя для настоящаго очерка жизни и рѣчей великаго аѳинскаго проповѣдника заимствованы главнымъ образомъ изъ прелестной книжечки Ксенофонта; у идеалиста же Академіи, Платона, взяты лишь тѣ мѣста, гдѣ его нельзя заподозрить въ обращеніи съ своимъ высокочтимымъ учителемъ, какъ съ *deus-ex-machina*, и гдѣ

онъ не впадаетъ въ преувеличенія, свойственныя его замѣчательному писательскому таланту.

Вѣкъ Сократа былъ также и вѣкомъ Перикла, т. е. апогеемъ афинской славы. Современникъ Эврипида, Софокла, Геродота, Фукидида, Исократы, Демокрита, Анаксагора, Аристофана и Фидія, Сократъ раздѣляя всѣ возвышенныя стремленія своего просвѣщеннаго вѣка, росъ вмѣстѣ съ нимъ, расцвѣталъ съ его расцвѣтомъ, и, къ своему горю, сошелъ со сцены въ то время, когда уже стали появляться первые признаки его разложенія. Военное честолюбіе, этотъ приращенный порокъ демократіи и самодержавія, побудило афинянъ, во второй половинѣ пятого столѣтія до Р. Х., предпринять отдаленные походы, убившіе ихъ энергію и истощившіе ихъ матеріальныя средства; затѣмъ на глазахъ у Сократа совершилось нѣсколько насильственныхъ переворотовъ, вызванныхъ предшествующими событіями и наконецъ, за нѣсколько лѣтъ до кончины, ему пришлось видѣть паденіе Перикловскихъ Афинъ къ ногамъ Александра и побѣду грубой Лакедемонской олигархіи. Онъ родился въ 469 году до Р. Х., одиннадцать лѣтъ спустя послѣ морской битвы при Саламинѣ, навсегда освободившей Европу отъ страха азіатскаго господства, въ то самое время когда Афинское государство, благодаря блестящей и трезвой политикѣ Перикла вступило въ длинную эру благоденствія. Симонидъ и другіе великіе поэты, бывшіе свидѣтелями воспѣтыхъ ими славныхъ побѣдъ при Марафонѣ и Саламинѣ, быстро сходили со сцены; но память о совершенныхъ подвигахъ была еще жива въ сердцахъ афинянъ и, съ помощью зарождавшихся тогда новыхъ и честолюбивыхъ стремленій, окружила юность философа атмосферою, самую благопріятною для общественнаго и уметвеннаго совершенствованія. Благодаря подвигамъ, одержаннымъ демократіей при Марафонѣ и Саламинѣ, средній и низшій классы афинскаго общества пріобрѣли такое значеніе, что пали всѣ преграды, не давашія доступа личностямъ безъ общественнаго положенія въ ряды древней, замкнутой аристократіи. Велѣдствіе этого и Сократъ, сынъ простаго скульптора, не имѣвшій такихъ древнихъ и почтенныхъ предковъ, какъ Платонъ, повидимому, получилъ свободный доступъ въ общество высшихъ общественныхъ дѣятелей и извѣстныхъ писателей своего времени. Мать его, какъ онъ самъ говоритъ, была „достойною и почтенною „μαῖα“ или повивальною бабкою, „sage femme“ по выраженію французовъ: значить, ея ремесло требовало отъ женщины извѣстной степени благоразумія. Имя ея было Фенарета.